

но поэтому, что термин *absamikku* был заимствован от музыкального инструмента *ZÅ-Mî*, как раз для обозначения «скошенной» трапеции, в то время как для трапеции «обычного» вида применялся термин *SAG-KI-GUD*, буквально «лоб быка». В связи с этим интересно отметить, что некоторые лиры и арфы¹¹, изображения которых встречаются на ассирийских рельефах, действительно напоминают реконструированные нами трапеции. Вместе с тем не лишено оснований и другое предположение, согласно которому трапеция *absamikku* передает точную форму определенной части музыкального инструмента *ZÅ-Mî*, а рассмотренные нами коэффициенты использовались в древности при изготовлении этого инструмента.

А. А. Вайман

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АФИН

в 394—386 гг. до н. э.

Гегемония Спарты, распространившаяся после Пелопоннесской войны на большую часть государств материковой и островной Греции, очень скоро вызвала резкое недовольство подчиненных Спарте полисов. Их стремление к внешней и внутренней самостоятельности, растущая экономическая близость в условиях спартанского господства и усиления Персии настоятельно требовали и их политического союза. Экономические связи и общеполитическая ситуация (наряду с другими причинами) исподволь и неизбежно подготавливали гибель политического партикуляризма греческих городов-государств.

В начале IV в. до н. э. резко изменилось соотношение сил в Средней Греции, где решающее значение приобрел Беотийский союз и объединение Аргоса — Коринфа; на первый план международной жизни вышли новые государства, бывшие окраины греческого мира. Самостоятельную внешнюю политику, не зависимую от Спарты, начинают проводить Акарнания, Фракия, Олинфский союз. Эту новую международную обстановку в Греции сумела оценить и использовать афинская дипломатия. В предлагаемой статье нам хотелось показать, что начало IV в. и особенно период Коринфской войны были временем, когда Афины в напряженной внутренней и международной борьбе выработали новую внешнюю политику, целью которой явилось создание II Афинского морского союза. Основание этого широкого объединения греческих государств было заложено уже Кононом и Фрасибулом в 394—389 гг. до н. э.

Время от 405 до 387/6 гг. до н. э. с точки зрения поворотов во внешней политике Афин можно разделить на два периода. Первый период (405—394 гг. до н. э.) характеризуется внутренним укреплением города, постепенным выходом на арену международной деятельности, острой политической борьбой, в которой победили провоенные демократические группировки, и вступлением Афин в Коринфскую войну. Однако в эти годы военные действия и деятельность афинской дипломатии ограничивались территорией материковой, в основном Средней Греции, которую после битвы у Галиарта удалось почти всю привлечь на сторону антиспартанской коалиции.

Второй период (394—387/6 гг. до н. э.) — период наибольшей активности Афин в международной политике, когда они восстанавливают широкие торговые и политические связи и делают успешные попытки создать новый морской союз греческих государств. Заканчивается он изменением не в пользу Афин международной ситуации, поражением внутри полиса политической группировки Фрасибула — Агиррия, гибелью ее вождей, неудачами афинского флота и, наконец, миром 387/6 г. до н. э., который, однако, не уничтожил успехов, достигнутых Афинами в годы Коринфской войны.

В связи со сформулированной выше целью и небольшими размерами статьи, нам придется ограничиться анализом внешней политики Афин только на протяжении пе-

¹¹ В. Мейсснер, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, стр. 332, 333, рис. 122 и 123.

риода ее наибольшей активности в 394—387/6 гг., также не касаясь подробно вопросов внутренней политической борьбы и социально-экономического положения полиса.

Катастрофическое поражение, нанесенное в августе 394 г. персидским флотом под командой афинянина Конона спартанской эскадре, оказало решающее влияние на весь ход Коринфской войны¹. Под Книдом была уничтожена власть Спарты на море. Даже Андокид в своей речи «О мире с лакедемонянами», в которой он всячески подчеркивает успехи спартанцев и их победы, вынужден признать (§ 22), что после этого сражения лакедемоняне «ἀπώλεσαν τὴν ἀρχὴν τῆς θαλάττης...». И ранняя и поздняя традиция оценивают эту победу персидского флота как полное поражение Спарты, результаты которого были выгодны прежде всего Афинам. «Этой победою,— пишет Корнелий Непот,— освобождены не только Афины, но и вся Греция, находившаяся под властью лакедемонян» (Соп., 5). Успех под Книдом, кроме того, свел на нет как поражение афинян при Немее, так и победу Агесилая при Коронее, одержанную им в первые же дни после вторжения в Беотию.

В результате победы Конона не только были уничтожены флот и морское могущество Спарты, но и освобождена от ее власти вся островная Греция, которая вновь, впервые после Пелопоннесской войны, стала играть громадную роль в общегреческой политике. Начиная с 394 г. все внимание Афин сконцентрировано именно в этом районе. Афины стараются восстановить с островной Грецией бывшие экономические и политические связи².

Как некогда после битвы у Эгос-Потам вся островная Греция оказалась на стороне Спарты, так после победы под Книдом она переходит в лагерь ее врагов. Таким образом, к лету 393 г. Афины без особых потерь добились решительных успехов в войне: город получил военную и финансовую помощь Персии, которая позволила ему закончить восстановление стен, создать флот, и, наконец, снова заручился поддержкой многочисленных союзников в материковой, островной и малоазийской Греции.

Все это чрезвычайно усилило провоенную группировку афинского гражданства, руководители которой теперь были возведены в сан героев и эвергетов отечества. Число ревностных сторонников ее увеличивали вернувшиеся вместе с Кононом афиняне, ранее изгнанные из города сторонниками Спарты или бежавшие, как и Конон, после поражения Афин в Пелопоннесской войне³. Финансовое положение города, благодаря субсидии Персии и добыче Конона, резко улучшилось. Это дало возможность отменить тяжелый налог на соль и введенные в обращение незадолго перед этим медные деньги (Aristoph., *Есс.*, 814 и далее). В это время, видимо, к власти в городе снова приходит демократическая провоенная группировка, стремившаяся и во внутренней

¹ См. В. П. Бузескул, *История Афинской демократии*, СПб., 1909, стр. 390, 392; Р. Ю. Виппер, *История Греции в классическую эпоху*, М., 1916, стр. 439; В. С. Сергеев, *Дипломатия древней Греции*, «История Дипломатии», М., 1941, стр. 49; W. J u d e i c h, *Kleinasiatische Studien*, Marburg, 1892, стр. 9; J. B e l o c h, *Athens Reichspolitik im korinthischen Kriege*, прил. к «Die attische Politik seit Perikles», Lpz, 1884, стр. 344.

² Многие экономические связи Афинам удалось восстановить еще до начала войны. О. Н u b e r, *Die Wirtschaftliche Verhältnisse Athens vom Ende des Peloponnesischen Krieges bis zum Königsfrieden*, München, 1939, стр. 68—69, верно отмечает, что уже в 400/399 гг. налог на ввоз и вывоз в порту Пирея был откуплен за 36 талантов, а на следующий год за 40 талантов (And., I, 134). Белох (*Griechische Geschichte*, III², стр. 424) считает на основании этого сообщения, что оборот Пирея достигал 2000 талантов. См. также L y s., XXX, 20—22 (399/8 г. до н. э.). Быстрое восстановление экономических связей доказывает и ряд проксений жителям Фасоса, Каристия, Беотии, Клазомен (IG, II², 6, 12, 2, 8), которые уже в 403—399 гг. подтверждает Афинское народное собрание.

³ Так, гражданин Никофем и его сын Аристофан после возвращения Конона (близким другом и помощником которого был Никофем) приобрели значительный вес в государстве (L y s., XIX, 13).

и во внешней политике восстановить традиции афинской демократии второй половины V в. до н. э.⁴ Так, в эти годы в Афинах проведено мероприятие в духе крайней демократии, связанное с именем Агиррия: плата за посещение Народного собрания была повышена до трех оболов.

Финансовое и военное усиление Афин впервые после конца Пелопоннесской войны дало возможность этой группировке начать борьбу за восстановление старого морского могущества Афин и их широких торговых и политических связей, что для большинства гражданства было равносильно восстановлению Афинского морского союза. А это прежде всего означало установление контроля Афин в проливах, оставшихся пока в руках Спарты, военный потенциал которой был еще очень велик. Поэтому Афины готовились к решительному продолжению войны, чтобы закрепить за собой достигнутые успехи и добиться поддержки со стороны других как отдельных государств, так и существующих в Греции объединений полисов.

На выполнение именно этих целей была в ближайшие 2—3 года после битвы под Книдом направлена максимальная активность афинской дипломатии. Отрывочные и скудные известия Диодора и Ксенофонта по этому вопросу могут быть отчасти дополнены данными надписей. Так, декрет народного собрания Афин 403 г. до н. э. (Syll., I³, 117) позволяет думать, что они уже в это время восстановили союз с Самосом и поддерживали отношения с Эфесом и нотийцами. Из Эфеса Конон еще до Книда, по свидетельству Диодора (XIV, 39), получил какую-то помощь, а после 394 г. граждане Эфеса ставят рядом со статуей своей богини статую знаменитого наварха (Paus., VI, 3, 16). В 395/4 г. были заключены военные союзы взаимопомощи с Беотийским союзом, Локрами, Коринфом и Аргосом⁵.

После битвы под Книдом цели афинской внешней политики и ее руководителя, по формулировке Корнелия Непота, были следующие: «Ионию и Эолию возвратить афинянам» (Соп., 5). Диодор (XIV, 84,3) пишет, что после Книда «Фарнабаз и Конон с флотом направились на лакедемонских союзников. И прежде всего склонили к измене Кос, затем нисерийцев и теосцев. Затем и хиосцы изгнали гарнизон и присоединились к Конону. Присоединяются митилеяне, эфесцы и эрифрейцы». В Эрифрах Конон был объявлен (Syll., I³, 116) прокшеном, эвергетом города и даже его гражданином, если он этого пожелает. Корнелий Непот отмечает (§ 4), что эти изменения совершались в городах с величайшей поспешностью.

Вероятно, на сторону Конона перешли и другие малоазийские города. Павсаний (VI, 3, 16) сообщает, что «когда Конон победил в морской битве..., перешли на другую сторону и ионийцы». С наступлением весны Фарнабаз и Конон с флотом, «присоединив Кикладские острова» (Diod., XIV, 84,4) и устроив базу в Мелосе (Xen., Hell., IV, 8,7), взяли остров Киферу (Diod., XIV, 84, 5; Xen., Hell., IV, 7—8), где в качестве гармоста был оставлен афинянин Никофом, впоследствии активный деятель военной

⁴ В это время противоположность партий в Афинах открыто проявляется в борьбе по вопросам экономики и главным образом внешней политики. Эту мысль высказывает в своей книге К. D. Stergiopoulos, *Τὰ πολιτικά κείμενα τῶν ἀρχαίων Ἀθηνῶν*, Athen, 1954 — см. Н. Веге, «Gnomon», 1956, № 28, Heft 9, стр. 544.

⁵ Фактически вся Средняя Греция после битвы под Галиартом объединилась вокруг Фив и Афин. Кроме перечисленных государств в антиспартанскую коалицию входили: почти вся Эвбея, мелийцы, амбракиоты, Акарнания (Xen., Hell., IV, 2, 7; Diod., XIV, 82, 1—3), а также большинство племен и городов Фессалии (Paus., III, 9, 12; Xen., Hell., IV, 3,3; см. также IG, II², 26—27 — афинские декреты в честь фессалийцев) и Халкидики Фракийская. Это было объединение, имевшее общий совет, который решал все основные вопросы войны и, видимо собирався в Коринфе. (Diod., XIV, 82,2: συνέδριον κοινὸν ἐν τῇ Κορίνθῳ; там же, § 5 и 10: εἰς Κορίνθον τὸ συνέδριον...; Diod., XIV, 84, 5; Xen., Hell., IV, 2, 10, 11, 14; 4, 1, 8, 13). См. G. Busolt, *Der Zweite Athenische Bund und die auf der Autonomie beruhende hellenische Politik von der Schlacht bei Knidos bis zum Frieden des Eubolos*, N. Jhb. f. Phil., Suppl., VII, 1873—1875, стр. 668.

группировки в Афинах (Lys., XIX, 13). Таким образом, видимо, и все Киклады оказались на стороне антиспартанской коалиции. Так, о присоединении Делоса мы узнаем из надписи (IG, II², 813 b), упоминающей здесь афинских эпимелетов и датируемой, скорее всего, 393/2 г. до н. э.

О переходе на сторону Афин после сражения под Книдом ряда городов можно судить и по косвенным свидетельствам. Позже Диодор говорит о том, что лакедемоняне заставили отложиться от афинян Самос и Книд (XIV, 97, 3, 4; Xen., Hell., IV, 8, 22, 23), значит и то и другое государство присоединилось к антиспартанской коалиции. Отом же свидетельствует и сообщение Павсания (VI, 3, 6), что на Самосе была поставлена статуя Конона. Вновь были подчинены старые владения Афин и их опорные пункты в борьбе за проливы — острова Лемнос, Имброс и Скирос. На это указывает согласие Спарты во время переговоров 392/1 г. (And., III, 12) признать их афинской территорией, а также замечание Ксенофонта (IV, 8, 15), что Афины отказались в 393/2 г. принять мирные условия, боясь потерять именно эти острова. Возможно, на сторону Конона и Афин перешла и часть Херсонеса, так как после битвы при Книде Деркидил собирает людей, получивших землю на Херсонесе от лакедемонян и, очевидно, теперь оттуда изгнанных (Xen., Hell., IV, 8, 5). В IV в. до н. э. фактически независимое внешнеполитическое положение полисов было невозможно. Поэтому в большинстве случаев отпадение городов от Спарты, переход их на сторону Конона и Фарнабаза означали и политический союз с Афинами.

Появление флота Фарнабаза и Конона у берегов Греции подготовило заключенный в 393/2 г. договор 'Ερετριέων συμμάχια] καὶ 'Αθην[αίων] (IG, II², 16). В это же время Афины, очевидно, добиваются перехода на их сторону и какого-то объединения ионийских городов. Так, из текста договора Афин с фасслитянами (Syll., I², 72) мы узнаем, что последние еще ранее заключили подобный договор с хиосцами. Сам Хиос, как уже говорилось выше, перешел на сторону Конона сразу после битвы при Книде. Что и остров Фасос находился уже в это время в тесных отношениях с Афинами, доказывает надпись в честь фасосца Сфория (IG, II², 17 = Syll., I², 127), который оказал какую-то услугу войску Афин (стк. 3—5), а флоту, так как сохранились слова: ... γένε[σ]εν αὐτῷ περὶ τῆς [ν]αυμαχίας... (стк. 20—21). За это Сфорий объявляется проксеном, эвергетом и даже гражданином Афин. Наибольший интерес с точки зрения успехов афинской дипломатии представляет декрет того же 394/3 г. до н. э. в честь жителей острова Карпатос и общины этеокарпатцев (Syll., I³, 129). В строках 29—34 надписи говорится: παρέχε[σ]εν δὲ 'Ετεοκα[ρπαθίοις, εἰς τῆς δὲ]ωνται, Κώ[ι]ος καὶ Κυ[π]ρίου καὶ 'Ροδίο[ς] [καὶ συμμάχων οἱ]τινες ἂν δ[ι]ύω[σ]ιν περὶ ταῦτα τὰ χ[ω]ρία ἀγαθὰ ὅτι ἂν δύνω[σ]ιν[α]. Здесь интересно не столько перечисление Коса, Книда и Родоса, так как их дружеское отношение к Афинам и переход на сторону Конона известны нам и из других источников⁶, — сколько слова συμμάχων οἱτινες. Так как восстановление не вызывает сомнений, надпись позволяет предполагать, что эти города были союзниками не только Афин, но и этеокарпатцев⁷.

В течение всего изучаемого времени постоянные и тесные сношения поддерживают Афины и с Кипром, правитель которого Евагор очень много сделал для успеха флота Конона, даже предоставил ему свои корабли. Официального союза с Кипром Афины не имели, но ἀρετῆς ἔνεκεν τῆς ἐς 'Αθηνάϊος, видимо, по предложению Конона, Евагор награжден афинским Народным собранием одной из самых высоких почестей — золотым венком. Кроме того, ему и его потомкам даруются какие-то привилегии, очевидно, проксения (IG, II², 20).

Одной из причин столь быстрого восстановления союза греческих городов, объединившихся вокруг Афин, была экономическая заинтересованность в нем развитых полисов

⁶ Diod., XIV, 84, 3; 79, 6; 97, 4; Xen., Hell., IV, 8, 20, 22; Par. Oxy., V, 1908, № 842, X.

⁷ См. Busolt, ук. соч., стр. 669.

островной Греции и Ионии⁸. Гегемония Спарты на море, контроль лакедемонян в проливах⁹ сильнее всего отразились на экономике этих государств, связанных друг с другом, с Афинами и Боспором жизненно важными и веками складывавшимися торговыми отношениями¹⁰.

Так, Родос, крупнейшее государство островной Греции, расположенное в центре торговых путей Средиземноморья и уже в это время обладавшее большим флотом (Xen., Hell., IV, 8, 22), во время господства Спарты, очевидно, страдало и от затруднений в собственной торговле и от уменьшения транзитной торговли через его порты. Возможно, что это и было одной из причин усиления и победы на Родосе в 396 г. до н. э. демократической партии (Diod., 78, 6; Par. Оху., 10), за чем последовал переход на сторону Конона и Афин. Диодор пишет: «Родосцы выгнали пелопоннесские силы, уклонившись от лакедемонян, и приняли Конона со всем флотом в город ...» (XIV, 79, 6).

Самос, основными направлениями торговли которого (RE, Samos, Büchner), кроме Египта и Северной Африки, были Боспор, Кипр и собственно Греция, мог рассчитывать вновь укрепиться на этих путях также с помощью Афин, поскольку их интересы в Понте и на Кипре совпадали.

Общие экономические интересы с Афинами были у ряда государств островной Греции и в Западном и Северном Причерноморье. С этой точки зрения интересна история Митилены. Не раз отмечались и ранее особые экономические, а возможно, и политические интересы митиленян в Понте¹¹. Это доказывает как то, что после отложения от Афин в 428 г. Митилена ждала военной помощи именно с Боспора (Thuc., III, 2, 2), так и более поздний декрет Левконя I о снижении пошлины на вывозимое в Митилену зерно¹². В конце V — начале IV в., когда обстановка в Восточном Средиземноморье резко изменилась, Митилена могла рассчитывать на возобновление беспрепятственных связей с Северным Причерноморьем также в союзе с Афинами. Общие интересы и явились, возможно, одной из причин того, что Митилена сразу после битвы при Книде перешла на сторону Афин (Diod., XIV, 84, 3), а позднее, во время усиления Спарты на море, одна из всех городов Лесбоса сохранила верность этому союзу (Xen., Hell., IV, 8, 28) После Коринфской войны мы находим ее в числе первых членов II Афинского морского союза.

Почти то же самое можно сказать и об экономической заинтересованности Хиоса, вино которого ввозилось и в Аттику (Aristoph., Ess., 1139) и на Боспор. Хотя находки

⁸ K. R i z l e r, Über Finanzen und Monopolen im alten Griechenland, B., 1907, стр. 70, 80; В и п п е р, ук. соч., стр. 439; E. Z i e b a r t h, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, Hamburg, 1929, стр. 76—77 (Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde, Bd. 30); R. H. S c h a a l, Vom Tauschhandel zum Welthandel, Lpz, 1931, стр. 105; «Древняя Греция», М., 1956, стр. 391.

⁹ В. П. Н е в с к а я, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953, стр. 99, отмечает, что Спарте проливы были необходимы не из экономических, а скорее из стратегических соображений.

¹⁰ Как правильно считает Н. B e n g t s o n, Griechische Geschichte, München, 1950, стр. 240, недовольство политикой Спарты в торговых городах, особенно у людей, связанных с морской торговлей, усиливалось тем, что после разгрома Афин на море снова господствовали пираты, с которыми небольшой спартанский флот ничего не мог поделать. Особенно это должно было сказаться на экономике таких торговых городов, как Коринф и Родос.

¹¹ С. А. Ж е б е л е в, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 133; Б. Н. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях..., ВДИ, 1939, № 3, стр. 263; И. В. Б р а ш и н с к и й, Торговые пошлины и право беспощлинности на Боспоре, ВДИ, 1957, № 1, стр. 130.

¹² IG, XII, 2, 3; см. Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 133, прим. 2.

хиосских клейм в Северном Причерноморье единичны, но это объясняется не малочисленностью ввоза, а спорадичностью клеймения¹³.

О вывозе в Понт дешевого косского вина прямо говорит Демосфен (In Lacrit., 31, 35), хотя мы также не знаем ранних коссских амфор.

Кроме того, в литературе¹⁴ отмечается также ввоз в Аттику и на Боспор в это время островной, в частности, хиосской посуды.

Интересна еще одна существенная деталь; фасосский гражданин Сфорий объявляется прокшеном и эвергетом Афин в 393 г.: ἐπειδὴ αὐτὸ ἴσαν οἱ πρόγονοι... (IG, II², 17). Видимо, в деле восстановления старых дружественных связей Афин с островами Эгейского моря значительную роль играли те из граждан, семьи которых и ранее были с Афинами в тесных отношениях. Возможно, афинское гражданство, которое в том же году Народное собрание дарует какому-то родосцу (IG, II², 19), — также награда за подобного рода услугу.

Что касается городов Геллеспонта, то их экономическое процветание (особенно это касается Византия) основывалось в большой мере на транзитной и прямой торговле с Понтом. В этом отношении интересы Афин и геллеспонтских городов совпадали. Жители Византия, после расправы с городом Клеарха, превращения его гавани в базу спартанского флота, после резкого сокращения торговли в результате военных действий в проливах, встретили присоединение к афинской коалиции как свое освобождение. Даже «пребывание в городе очень большого числа афинян не вызывало неудовольствия византийского народа»¹⁵.

Несомненно, что и старейшие передовые центры греческого ремесла — полисы Малой Азии — в начале IV в. были заинтересованы в свободных торговых связях как со всем Средиземноморьем, так и с далекими берегами Понта. Т. Н. Книпович¹⁶ выделяет в материале городища у станицы Елисаветовской многочисленную группу малоазиатской чернолаковой керамики, большая часть которой относится к первой половине IV в. до н. э. Автор отмечает большое разнообразие форм (ук. соч., стр. 144), характерное для малоазиатской чернолаковой посуды, найденной при раскопках, что также свидетельствует о развитом импорте керамики из городов Малой Азии в Северное Причерноморье.

Города Ионии, возможно, стремились к союзу с Афинами и ради лучшего снабжения хлебом. Это подтверждает договор клазоменийцев с афинянами, датированный 387/6 г. (IG, II², 28), по которому Афины предоставляют городам, откуда Клазомены снабжались хлебом (в том числе Смирне), право приплывать в их гавань. Но, пожалуй, самым убедительным примером тесной связи большинства полисов Эгейского моря уже в начале IV в. до н. э. между собой, с Афинами и с большинством городов по всему периметру Понта Евксинского является остров Фасос.

В литературе признано¹⁷, что фасосское вино вошло в моду и стало интенсивно производиться особенно в конце V — начале IV в. до н. э. Судя по комедиям Аристофана¹⁸, фасосское вино было популярно в Афинах этого времени. Это подтверждается и находками здесь клейменой фасосской тары, хотя и в сравнительно небольшом коли-

¹³ Д. Б. Шелов, Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг., МИА, № 56 (1957), стр. 215.

¹⁴ V. G r a s e, «Hesperia», IV, 1935, № 77—79, стр. 513; В. М. Скуднова, Комплекс находок и раскопок святилища кабиров в Нимфее, КСИИМК, вып. 63(1956), стр. 132 и 137.

¹⁵ X e n., Hell., IV, 8, 27. В данном случае такая оценка пролаконски настроенного автора кажется вполне убедительной.

¹⁶ Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г., ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 139—144.

¹⁷ Б. Н. Граков, Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма, Архив ИИМК, 1939, стр. 420.

¹⁸ A r i s t o p h., Lys., 196; Plut., 1021; Schol., 1139; Ecc., 1119.

честве¹⁹. Торговые связи с островом были возобновлены Афинами сразу после мира со Спартой. Уже в 403/2 г. до н. э. было решено (IG, II², 6) восстановить разрушенную ранее стелу о проксении, дарованной афинянами детям фасосца Алеманта.

О высоком развитии на Фасосе в конце V — начале IV в. виноделия и торговли вином свидетельствуют фасосские законы последней трети V в.²⁰, регламентирующие взаимоотношения виноделов и оптовых торговцев вином, а также ввоз иного вина в принадлежавшие острову земли на материке.

Демосфен (In Lacrit., 35; речь относится к 40 гг. IV в. до н. э.) называет в числе других вывозимых в Понт греческих вин и фасосское. В русской, особенно советской, литературе давно и многократно отмечалось обилие фасосских клейм в городах Северного Причерноморья²¹. Два наиболее ранних типа фасосских клейм — трехстрочные и с изображением коленопреклоненного Геракла, стреляющего из лука, которые датируются, видимо, началом IV в. до н. э., в каталоге А. М. Бон и А. Бон по территориальному признаку распределяются следующим образом: из 84 образцов трехстрочных клейм, приведенных авторами, 65 происходят из Северного Причерноморья.

Из 14 клейм второй ранней группы — 9 также найдены в городах Боспора. Особенно показательны данные готовящегося к печати корпуса амфорных клейм, найденных в Северном Причерноморье²². Из 3931 фасосского клейма, которые публикуются в нем Б. Н. Граковым, к первым двум хронологическим группам²³ и клеймам анэпиграфическим принадлежат 1954 клейма, что окончательно доказывает преобладающее значение импорта фасосского вина в Северное Причерноморье и его значительные разме-

¹⁹ Б. Н. Граков, Клейменная керамическая тара..., стр. 258 слл., а также V. Grase, Early Thasian stamped amphoras, AJA, 50, № 1, 1946, стр. 31 слл.

²⁰ G. Daux, Nouvelles inscriptions de Thasos, № 1—2, стр. 216 сл. (BSH, 50, 1926); Ziebart, ук. соч., стр. 124, № 70. См. перевод и комментарии к этим надписям в ук. соч. Б. Н. Гракова. Интересно по этому поводу напомнить более раннюю фасосскую надпись (I. Pouilloux, Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos, I, P., 1954, стр. 37—40) начала V в., в которой речь идет, видимо, об обязательном посвящении части вина богам, причем запрещается ссылаться под присягой на незнание этого постановления как гражданину, так и иностранцу.

²¹ Э. Р. Штерн, Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации, ЗООИД, XXII (1900), стр. 9; Е. М. Штерман, Керамические клейма из раскопок Мирмекии Тиритаки 1935—1940 гг., МИА, № 25, стр. 378—388; она же, Керамические клейма из Тире, КСИИМК, XXXVI (1951), стр. 31 и 34; Д. Б. Шелов, Керамические клейма из раскопок Фанагории, МИА, № 57, стр. 129—133; он же, Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 203—207; Скуднова, ук. соч., стр. 137.

Выход в свет каталога фасосских клейм (А. М. Бон, А. Бон, Les Timbres amphoriques de Thasos, P., 1957) подтвердил предположение Д. Б. Шелова (МИА, № 56, стр. 221) о фасосском происхождении так называемых клейм группы «А» (см. каталог № 2203—2209, 2201 и т. д.), а также происхождение с этого острова и группы клейм, отнесенной Штерман (КСИИМК, XXXVI, стр. 46 слл.) к Аканту, Месембрии или Калхедону, каталог № 2146—2182.

²² Б. Н. Граковым была мне любезно предоставлена возможность ознакомиться как с самим корпусом, так и с чрезвычайно интересным введением, из которого взяты все приведенные ниже датировки клейм и их классификация.

²³ I группа — клейма, содержащие два имени с этниконом в две или три строки. Автор датирует ее концом V — началом IV в. до н. э. II группа — клейма с двумя именами, с этниконом или без него, причем надпись расположена по прямоугольной рамке вокруг эмблемы — отнесена Б. Н. Граковым к началу IV в., однако ряд клейм может доходить и до 50-х гг. Исходя из совпадения имен в обеих группах, автор предполагает, что в 90—70-х гг. IV в. обе группы клейм могли сосуществовать. Клейма анэпиграфические Б. Н. Граков считает хронологическим дополнением группы I.

ры. Из 111 клейм с именем Аристомена, собранных в корпусе и относящихся к 90—70 гг. IV в. до н. э., известно происхождение 103 экземпляров. 61 клеймо найдено в Пантикапее (включены клейма Керченского музея без указания места находки), 28 — в Ольвии (также включены 2 клейма Одесского музея), 3 клейма — в Феодосии, по 2 — в Мирмекии, Киркинетиде и Тире, по 1 — в Порфмии, Херсонесе и Каменском городище. Клейма I и II групп найдены также в Фанагории, на Таманском полуострове, в Прикубанье, на Семибратнем городище. Таким образом, фасосское вино распространялось по всей территории Северного Причерноморья, хотя около 60% импорта (судя по клеймам I группы) шло через Пантикапей и свыше 25% через Ольвию. Однако свое вино Фасос вывозил не только на побережье Понта Евксинского.

Ссылаясь на данные В. Грейс, А. М. Бон и А. Бон называют в качестве импортеров фасосского вина также малоазийские города (Смирну, Трою, Антиохию, Самарию и т. д.) и Египет; из собственно греческих городов — Аргос²⁴. Таким образом, на примере Фасоса мы видим, насколько широки и интенсивны были связи небольшого, но богатого и развитого острова, возвратившего в IV в. былой блестящий расцвет эпохи архаики.

Клейменная тара Фасоса позволяет проследить связь острова с основными членами складывающейся антиспартанской коалиции: клейма двух первых групп, относящихся к началу IV в. до н. э., мы находим (по данным того же каталога) также и на Родосе, Лесбосе, Мелосе, Кипре, в Олинфе и Коринфе. Сам Фасос не мог обеспечить своими кораблями и своими силами такой широкий вывоз. Это подтверждает и упоминаемый выше закон об ограничении свободы фасосских кораблей ввозить чужое вино. Б. Н. Граков (Клейменная керамическая тара..., стр. 240) высказал интересное объяснение преобладания в IV в. фасосского импорта в Северном Причерноморье, которое, по его мнению, стало возможным потому, что эта отрасль торговли Фасоса находилась в руках афинских купцов.

Таким образом, остров Фасос в начале IV в. до н. э. имел самые тесные экономические отношения с Афинами и членами афинской коалиции, в свою очередь, заинтересованными в торговле и союзе с ним, кроме всего вышесказанного, еще и как с форпостом экономического и политического влияния в обширных фракийских землях.

Очевидно, не только Фасос, но и другие города Фракийского побережья имели широкие торговые связи со Средиземноморьем и Понтом. Из Демосфена (XXXV, 35), например, мы узнаем и о вывозе на Босфор вина из города Менды, клеймо которой, датируемое IV в. до н. э., найдено в Ольвии.

Необходимость объединения действий в борьбе за политическую самостоятельность, рынки и свободу торговых связей со стороны сильнейших полисов Малой Азии и островов сказывалась, несомненно, и до победы Конона под Книдом. Об этом говорит создание союза нескольких городов, факт заключения которого установлен на основании монет Родоса, Самоса, Эфеса, Книда, Иасоса и Византия²⁵, имеющих общее изображение младенца Геракла, душащего змей, эмблемы этих государств и надпись сущ... Вопрос о времени существования и целях этого союза до сих пор не решен, и любое предположение при современном состоянии источников останется гипотетичным. Но создание такого союза до начала открытой войны между Спартой и Персией представляется невозможным, так как до этого времени спартанская гегемония на море была сильна. Однако, как сообщает Ксенофонт, уже в первые годы войны между Спартой и Персией в городах «не было ни демократического строя, как было под афинской властью, ни декархий, как было под властью Лисандра» (Hell., III, 4,7). Именно в это время, когда Спарта, занятая войной, не имея сильного флота, уже не могла диктовать

²⁴ См. А. М. В о н, А. В о н, ук. соч., стр. 537; Р о u i l l o u x, ук. соч., стр. 49, 51—53.

²⁵ К. R e g l i n g, Tridrachmen von Byzanz, «Zeitschrift für Numismatik», XXV, 1905, стр. 209 и сл.; А. Н o l m, Griechische Geschichte, 1891, III, стр. 54; В и п е р, ук. соч., стр. 439.

свою волю островным греческим полисам, а Афины еще не выступили открыто против лаконской гегемонии в Греции, крупные города могли постараться собственными силами укрепить свое положение и обезопасить важные торговые пути. Вполне возможно, что инициаторами такого союза были Самос и Родос, которые раньше других государств освободились от спартанского влияния. Окончательное оформление союза произошло, вероятно, после морской победы Конона. По крайней мере, Книд и Эфес до этого события присоединиться к союзу не могли, так как находились под властью Спарты²⁶. Относительно вступления в союз Византия, очевидно, прав Реглинг, считавший, что этот город не мог стать членом союза до 389 г., когда Фрасибул освободил его от власти лакедемонян. Убедительным кажется мнение того же автора (ук. соч., стр. 214), что союз не мог существовать после 387 г., когда были распущены все объединения греческих государств.

Основные силы союза: Родос, Самос, Книд, а позднее и Византий, были в течение почти всей войны на стороне афинской коалиции. Можно предположить, что когда в 390/389 г. оратор, произносящий речь Исея, говорил неопределенно (V, 46), что καὶ νησιῶται ὑπὲρ τῆςδε τῆς γῆς ἀποδυνάσκουσι μαχόμενοι..., он имел в виду именно союз островов.

Очевидно, после битвы у Книда афинская дипломатия сумела привлечь на свою сторону часть или всех членов этого объединения. Таким образом, мы имеем все основания считать, что Афины не ограничивались двусторонними договорами с другими государствами, но что ими в короткий срок был создан относительно широкий союз. Кроме перечисленных выше государств (Хиоса, Родоса, Самоса, Эфеса, Книда, Коса, Митилены, Ликия, карпатыйцев), в него могли входить также и те государства, о переходе которых на сторону антиспартанской коалиции после битвы у Книда, мы знаем из сообщений Ксенофонта и Диодора. Таковы нисерийцы, Теос, Кифера (Diod., XIV, 84, 3, 5; Xen., Hell., IV, 8, 7), Мелос и часть Кикладских островов (Diod., XIV, 84, 4; Xen., Hell., IV, 8, 7). Подтверждает мысль о создании такого союза и то, что у Диодора (XIV, 84, 4) противопоставляются города, перешедшие на сторону Конона (τοῖς περὶ Κόνωνα προσετίθεντο) и сохранившие свободу (τῶν ἐλευθερίαν διεφύλαττον).

Афинская дипломатия в эти годы стремится заручиться поддержкой сильных государств и за пределами Эгейского моря. Очевидно, именно в это время Афины вырабатывают новую политику и по отношению к Боспору. В советской историографии господствующей является точка зрения, что до конца V в. Афины вели решительную антиспартокидскую политику²⁷, поддерживая врагов Боспорского государства, всячески внедряя свое влияние в оппозиционных Спартоку городах Азиатского Боспора. В начале IV в. до н. э. Спартокиды уничтожили или подчинили внутри государства враждебные им группировки, на которые ранее пытались опереться Афины; присоединили к своему царству не только непокорную Феодосию и Нимфей, но и Азиатский Боспор. К тому же и сами Афины после сицилийской катастрофы и битвы при Эгос-Потаммах не могли больше активно поддерживать своих сторонников на далеких берегах Черного моря. В этом отношении характерна история о так называемой «измене Ги-

²⁶ Относительно Книда это ясно из сообщения Диодора (XIV, 83, 7): после морской битвы 394 г. уцелевшие спартанские триеры спаслись на Книде. Эфес, судя по многочисленным упоминаниям Ксенофонта (Hell., III, 1, 8; III, 2, 9; III, 2, 14; III, 4, 4), во время спартано-персидской борьбы был постоянной опорной базой лакедемонских полководцев, начиная с Деркилида и до Агесилая. Однако сразу после морского сражения город оказывается в руках Фарнабаза (Xen., Hell., IV, 8, 3).

²⁷ В. Д. Блаватский, Киммерийский вопрос и Пантикапей, Вестник МГУ, 1948, № 8, стр. 17; Д. П. Каллистов, Измена Гилон, ВДИ, 1950, № 1, стр. 28 и 36; В. Д. Блаватский, Архаический Боспор, МИА, № 33, 1954, стр. 43; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора, М., 1954; Э. О. Берзин, Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э., ВДИ, 1958, № 1, стр. 126.

лона». Мысль, что передача Нимфея Боспору была вызвана необходимостью и санкционирована в Афинах, вполне убедительна ²⁸.

Когда Афины после битвы у Книды снова вышли на арену широкой международной деятельности, они, нуждаясь в постоянном подвозе боспорского хлеба и рынках сбыта, ориентировались прежде всего на боспорского царя, который и был главным экспортером хлеба в Атику ²⁹. Вероятнее всего, установление тесных дружественных отношений с боспорскими правителями также было достигнуто афинской дипломатией в 393/2 г. до н. э., после чего оба государства ревностно поддерживали их в течение всего IV в. до н. э. У нас почти нет для этого времени письменных источников, но обильный археологический материал, например, расписная аттическая керамика начала IV в. до н. э. из Пантикапея, подтверждает, что и в эти тяжелые годы торговля Афин с Боспорским царством не прекращалась.

Афинская дипломатия в эти же годы всячески старалась добиться союза или, в крайнем случае, нейтралитета важнейшего государства на западе — Сиракуз, тираний которых Дионисий, победоносно вел борьбу с Карфагеном. В 394/3 г., по предложению Кинесия (IG, II², 18), Народное собрание Афин выносит постановление в честь Дионисия и его семьи. А несколько позже афиняне, по предложению Конона, посылают к Дионисию специальное посольство. Результаты этих переговоров нам неизвестны, к тому же до 392 г. до н. э. Сиракузы вели войну с Магоном и не могли активно вмешиваться в события на востоке ³⁰.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о больших успехах афинской внешней политики. Город снова стал в военном отношении одним из сильнейших в Элладе, гегемония Спарты в Эгейском море была уничтожена, обеспечена активная военная и финансовая помощь Персии и многих городов Ионии; сделаны решительные шаги в деле создания нового союза греческих государств, в котором Афины претендовали на руководящую роль; наконец, удалось вновь завязать отношения с государствами на окраинах греческого мира, Боспором, Египтом, а также сделать попытку связаться с Сицилией. В 393/2—1 гг., таким образом, основные задачи внешней политики Афин в Эгейском море были решены. Соотношение сил фактически в течение одного года — к осени 393 г. — резко изменялось в пользу Афин. Однако успешная борьба Афин за влияние в государствах островной Греции встревожила Персию, которая стала опасаться распространения их влияния в малоазийских полисах. Сложившуюся обстановку использовала Спарта, поспешившая начать с Персией переговоры о мире. Они происходили в Сардах зимой 393/2 г. и были сорваны в результате отказа Афин и их союзников принять спартано-персидские условия. Но афинскому посольству во главе с самим Кононом (арестованным в Персии) не удалось помешать сближению Персии и Спарты, получившей от Тирибаза значительную субсидию.

Основным условием мира, на котором уже в это время настаивают и Спарта и Персия, была обязательная автономия греческих городов (Xen., Hell., IV, 8, 14—16). Это также подтверждает, что афинской дипломатии удалось к концу 393 г. создать широкий союз полисов под руководством самих Афин. Недаром они категорически отказываются принять это условие (там же, IV, 8, 15), а также признать персидскими малоазийские греческие города (Plat., Menex., 245, Diod. XIV, 84,3; 85,4).

С наступлением зимы 392/1 г. обе враждебные стороны все еще не имели никаких реальных оснований надеяться на скорую и решительную победу. Теперь умеренно-демократическая партия в Афинах, которая после потери персидских субсидий выступает все смелее и успешнее, предлагая ограничиться достигнутым, видимо, получает большинство в Народном собрании. В результате в Спарту отправляется четыре афинских посла — автократора, в их числе — оратор Андокид. Условия мира, заклю-

²⁸ К а л л и с т о в, ук. соч.; Б е р з и н, ук. соч., стр. 129.

²⁹ IG, II², 242; I s o c r., XVII, 57; D e m o s t h., XX, 31—33.

³⁰ В конце войны Дионисий, вовсе не заинтересованный в поддержке демократических Афин и восстановлении их бывшей морской мощи, активно поддержал антиафинскую коалицию (X e n., Hell., V, 1, 28; D i o d., XIV, 62, 63).

ченного предварительно, подверглись в Афинах ожесточенной критике сторонников продолжения войны.

Судя по речи Андокида, произнесенной в защиту мирного договора³¹, демократическая группировка, выступая против утверждения мира со Спартой, выдвигала следующие соображения. Основным ее аргументом (§ 1, 10) было опасение, что договор с лакедемонянами может привести вновь к уничтожению или к какому-либо ограничению демократической конституции. Причины для таких возражений несомненно были: мир со Спартой, да еще в форме особой «милости» лакедемонян, которые оказывали ее из «любви» к эллинской свободе (And., III, 17), должен был чрезвычайно усилить влияние не только умеренных демократов, но и пролаконски настроенной олигархической группировки, выразителем интересов которой в данном случае являлся Андокид.

Сама речь Андокида «Περὶ τῆς πρὸς Λακεδαιμονίων εἰρήνης» дает убедительные основания датировать переговоры зимой 392/1 г. до н. э. Во-первых, оратор говорит (§ 20), что беотяне воюют четвертый год, то есть, если так называемая Беотийская война началась даже весной 396/5 г., то идет 392/1 г. Во-вторых, Андокид многократно заявляет, что беотяне заключают мир со Спартой (§ 13, 20, 24, 25, 28). Однако из К с е н о ф о н т а (Hell., IV, 5, 6) мы знаем, что переговоры Фив и Агесилая о мире были летом 392 г., что также отодвигает датировку речи на 392/1 г. Наконец, в § 26 Андокид говорит, что лакедемоняне наступают на Аргос. Речь может идти только о походе Агесиполида весной 391 г. до н. э. (X e n., Hell., IV, 7, 2). Таким образом, все эти данные подтверждают верность обычной даты посольства в Спарту. Основной аргумент Юдейха, который в качестве *terminus ante quem* берет победу Ификрата над спартанской морой, заключается в том, что Андокид не упоминает в речи этого события. Однако, стремясь доказать силу и непобедимость Спарты, оратор «забыл» даже победу фиванцев под Галиартом. Подобным образом Андокид мог не упомянуть и эту битву. Кроме того, кажется несправедливой оценка этой речи Андокида как официального отчета посольства (см. вышеназванные работы, а также U. W i l c k e n, *Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens*, «Abh. d. Preuß. Akad. der Wissenschaft», B., 1942, № 15, стр. 4—5). В ней нет ни изложения хода переговоров, ни формулировки условий мирного договора. Речь построена так, что скорее похожа на ответ оппонентам. Вокруг договора, привезенного посольством, в Афинах разгорелась ожесточенная борьба. Выступления против него, несомненно, были уже при первом обсуждении в Совете. Посольство пришлось защищать те условия, на основании которых оно заключило мир, и защищаться самому от обвинений в нарушении интересов государства. Дошедшая до нас речь — скорее всего тот текст, который Андокид произнес или подготовил для произнесения перед голосованием в Народном собрании. Умело построенный конец речи гласит: «Мы, послы, теперь делаем всех вас, — говорит оратор, обращаясь к гражданам, — полномочными послами. Кто из вас намеревается поднять руки, тот и является полномочным лицом сделать то, что ему кажется нужным: заключить мир или начать войну» (III, § 41).

Многочисленная группа афинских граждан хотела продолжения войны до тех пор, пока не будет достигнута одна из основных целей афинской внешней политики — вновь захвачен Херсонес и обеспечена свобода судоходства в проливах. Этого требовали жизненные интересы как широких кругов афинского гражданства, так и богатой и влиятельной группы ἑμπόροι. Их волновало прежде всего, когда речь шла

³¹ F. J u d e i c h, *Die Zeit der Friedensrede des Andokides*, «*Filologus*», Bd. 81, H. 2, 1926 г., пересматривает принятое ранее в литературе мнение о датировке переговоров в Спарте 392/1 г. до н. э. и относит их, опираясь на речь Андокида, на зиму 393/2 г. Мнение не принято большинством историков — см., например, M. C a r y, *The Ascendancy of Sparta*, САН, 1933, VI, стр. 51; B e n g t s o n, *ук. соч.*, стр. 249; P. C l o c h é, *La politique étrangère d'Athènes de 404 à 308 av. J.—Ch.*, P., 1934, стр. 20—21.

о мире (§ 36), что они «не получают обратно свое частное имущество за границей, от стен же они не кормятся» (τὰ γὰρ ἴδια τὰ σφέτερ' αὐτῶν ἐκ τῆς ὑπερορίας οὐκ ἀπολαμβάνειν, ἀπὸ δὲ τῶν τευχῶν οὐκ εἶναι σφίσι τροφὴν). Они вели войну, «чтобы возвратить Херсонес, колонии, владения и ссуды в чужих землях» (ἀλλὰ Χερρόνησον καὶ τὰς ἀποικίας καὶ τὰ ἐκτιμῆματα καὶ τὰ χρέα ἵνα ἀπολάβωμεν — § 15). Против этого сторонники мира не могли ничего возразить. Андокид только замечает, что «ни царь, ни союзники не согласятся с нами [в этом], все это нужно приобрести, сражаясь [с ними]» (там же).

Наконец, заключить мир — значило изменить союзникам. Противники Андокида настаивали на том, что надо продолжать войну в союзе с другими сильными и демократическими государствами Греции. Именно на этом пункте и концентрирует свое внимание оратор, осторожно, но настойчиво стараясь очернить союзников в глазах афинян (§ 21 и 31). Он постоянно (§ 13, 20, 24, 25, 28) повторяет, что беотыяне заключат сепаратный мир с лакедемонянами, а аргосцы «требуют, чтобы мы воевали вместе с ними и коринфянами, сами же не представляли свою землю для войны» (§ 27).

Последний аргумент сторонников продолжения войны снова показывает стремление Афин восстановить и укрепить союз государств материковой Греции. Предполагать, что и в данном случае речь идет о крайне демократическом направлении и его максимальной программе во внешней политике, позволяет упоминание имени племянника Агиррия — Каллистрата (Philoch. d. Didym., 7, 26) как основного противника Андокида³².

Подробностей борьбы в Афинах мы не знаем. Но широкие круги гражданства не хотели отказаться от надежд захватить Херсонес, Геллеспонт и в какой-либо форме восстановить державу. Важную роль сыграло и новое сближение с Персией, которое имело место весной 391 г. до н. э., когда в Ионию вместо Тирибаза прибыл Струф, немедленно возобновивший войну с Лакедемоном. В таких условиях заключенный посольством в Спарте предварительный мир был аннулирован Народным собранием, и военные действия возобновлены.

Победу демократическая военная группировка использовала для укрепления своих позиций путем громкого политического процесса против бывших послов — автократоров. Они были обвинены в том, что, «исполняя посольские обязанности, действовали вопреки постановлению», «что неправильно докладывали в Совете», «в письмах не сообщали правды» и, наконец, «что они сообщали ложные сведения про союзников и принимали подарки» (Demosth., XIX, 278—9). Судя по формулировке обвинения, одной из целей этого процесса было также доказать верность Афин союзным городам.

Однако резкое усиление Спарты в 392/1 г. на море, которого она достигла благодаря финансовой поддержке Персии, и отпадение от Афин ряда важных островов (Хеп., Hell., IV, 8, 22, 28; Diod., XIV, 94, 3, 97, 3—4) требовали самых решительных действий. После длительной борьбы был экипирован флот из 40 триер, во главе которого встал знаменитый руководитель афинской демократии Фрасибул Стириец. Основной его задачей было обеспечение власти Афин над проливами и укрепление их влияния на Кикладских и Спорадских островах, пошатнувшегося в связи с успехами спартанского флота 389/88 г., время действий флота Фрасибула характеризуется новыми блестящими успехами Афин.

Летом или осенью 390/389 г. Фрасибул с флотом вышел в море и, не заходя на острова, направился к Геллеспонту. Здесь он добивается того, что на сторону Афин переходят Византий и Калхедон. Таким образом, эти северные ключи Понта впервые после 407 г. снова оказались в руках Афин. Еще до этих событий Ксенофонт (Hell., IV, 8, 27), склонный скорее преуменьшать, чем преувеличивать успехи Афин говорит, что и «малоазийские города расположены к Афинам», т. е. перешли на их сторону. Громадное значение в деле обеспечения власти над проливами имели отношения с местными фракийскими племенами. С середины V в. традиционным направлением

³² См. также P. C l o c h é, *La Démocratie Athénienne*, P., 1951, стр. 287.

афинской внешней политики³³ было стремление добиться дружественных отношений с городами и племенами Фракии и Халкидики, контролировавшими подступы к проливам.

Фракия³⁴, занимавшая громадную территорию от Дуная до Фракийского моря, имела значение для Афин далеко не только из-за своего стратегического положения. Эта область с давних пор была поставщиком ценного сырья, продовольствия, рабочей силы и емким рынком для предметов ремесла. В V в., особенно со второй его половины, решительный перевес во фракийской торговле получили Афины и их союзники. Археологический материал позволяет говорить о том, что в IV в. греческая культура проникает уже в широкие круги фракийского общества³⁵. Особенно часто встречаются во время раскопок предметы аттического производства, и влияние аттической культуры и искусства во Фракии в IV в. отмечает большинство археологов³⁶.

В период действий Фрасибула и позже Одрисская держава переживала быстрый экономический и социальный рост, который завершился в конце IV в. блестящим расцветом времени Севта III и Севтополя³⁷, богатого фракийского города с монументальной архитектурой, дворцом, агорой, храмом великих самофракийских богов, городской стеной 2 м толщины, огораживающей площадь до 50 га³⁸. С правителями этого государства и старается заключить военный союз Фрасибул, надеясь, «что, заручившись их дружбой, ему скорее удастся склонить на сторону Афин греческие города на Фракийском полуострове» (Хен., Хелл., IV, 8, 26). Он добился примирения двух фракийских вождей — царя одриссов Медока и владыки приморской области Севфа — и даже официального их союза с Афинами³⁹.

Возможно, именно Фрасибулу удалось заключить союз с Олинфом, успевшим уже объединить под своей властью большую соседнюю территорию. В V речи Исея, датированной 390/89 г.⁴⁰, оратор упоминает олинфян как союзников Афин. Упрекая Дикайогена, он говорит (§ 46), что и олинфяне, сражаясь, умирают за землю Аттики. При данном контексте нет никаких оснований сомневаться в справедливости слов оратора. То же, что в качестве примера он выбрал именно олинфян, может быть объяснено стремлением автора напомнить, с одной стороны, события недавнего времени, а с другой — указать на государства, расположенные так далеко и все же участвующие в войне на стороне Афин.

О серьезном усилении Олинфского союза и прибытии сюда послов афинян, а также фиванцев мы узнаем из Ксенофонта⁴¹. Союз с сильным государством на Халкидике имел для Афин громадное значение не только потому, что он обеспечивал подступы к проливам. Серьезные выгоды обещала торговля и с самим богатым полуостровом, на

³³ Th u c., I, 59; II, 29,67; A r i s t o p h., Acharn., 141; Th u c., IV, 74, 82; V, 2,12; VII, 30; X e n., Hell., I, 3, 10; I, 4, 9; II, 2,5; III, 2,8; IV,8,26.

³⁴ В дальнейшем, речь пойдет только о Южной Фракии. Племена к северу от Гема сохранили первобытно-общинный строй до начала н. э. См. Д. П. Димитров, Севтополь — Фракийский город, СА, 1957, № 1.

³⁵ Димитров, ук. соч., стр. 200.

³⁶ Д. П. Димитров, Тракийска гробна находка от С. Дълбоки, Старозаторско, Разкопки и проучвания, IV, 1950, стр. 223; Т. В. Блаватская, Западно-понтийские города в VII—I в. до н. э., 1952, М., стр. 59.

³⁷ Д. П. Димитров, СА, 1957, № 1, стр. 200.

³⁸ Д. П. Димитров, Материальнота култура и изкуство на Траките пред ранната елинистическа епоха IV—III в. до н. э., сб. «Археологически открития в България», София, 1957, стр. 73.

³⁹ X e n., Hell., IV, 8, 26; IG, II², 26.

⁴⁰ K. M ü n s c h e r, Isaios, V; «Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft», Stuttgart, 1919, стр. 152

⁴¹ Ксенофонт в данном случае, Hell., V, 2, 12, 15, устами аканфян рассказывая историю союза, очень тенденциозен. Более верное описание событий на полуострове мы находим у D i o d., XV, 19,2—3.

территории которого, по словам того же автора, «растет прекрасный корабельный лес; многочисленные гавани и рынки вызывают обильный приток денег; прекрасные урожаи хлеба служат причиной густоты населения... Благодаря содействию фракийцев, Пангейские рудники как бы сами раскроют... свои золотоносные недра» (Hell., V, 2, 16—17). К тому же, по словам Ксенофонта, Оливфский союз представлял значительную силу «не только на суше, но и на море» (там же, § 16). Таким образом, на примерах Фракии, Оливфского союза, так же как несколько ранее Акарнании⁴², особенно ясно видно, как Афины использовали в своих целях быстрое развитие в это время окраин греческого мира.

Обеспечив, таким образом, власть Афин над проливами и подступами к ним, Фрасибул направился на Лесбос, где верность Афинам сохранила только Митилена, и подчинил часть городов на острове, используя как вооруженную силу, так и внутриполитическую борьбу в полисах (Xen., Hell., IV, 8, 28—29). После этого не только районы проливов, но почти все важнейшие пункты Киклад и Спорад снова оказались на стороне Афин. Их флот контролировал даже южное побережье Малой Азии. По крайней мере в их руках были Клазомены (IG, II², 28). Галикарнасс (Lys., XXVIII, 17), Памфилия (Xen., Hell., IV, 8, 30; Diod., XIV, 99, 4). Возможно, дружеские отношения возникают в это время между Афинами и Смирной (IG, II², 28).

Очевидно, большинство государств, отпавших от Спарты в результате действий Фрасибула, официально вошло в состав продолжавшего существовать союза греческих государств, созданного после битвы у Книды. Это подтверждает договор 387/6 г. с Клазоменами и текст надписи того же времени в честь фэсосцев (IG, II², 28; IG, II², 24). Так, в первом договоре мы находим фразу, к сожалению, сильно поврежденную: τῶν πρὸ | λεω]ν, ὅθεν σιταγωγῶνται Κλαζομένῃνοι, — 11 — | καὶ Σῆμύρνῃς, εἶναι ἔνσπονδον αὐ[τοῖς ἐς τὸς λιμένας ἐσπλῆν]. Что это за государства, кроме Смирны, мы не знаем, однако термин ἔνσπονδον позволяет заключить, что они также входят в союз. А в декрете фэсосцев прямо говорится о союзниках Афин: καὶ τὰ [ς ἄλλ]ας πόλ[εις, ὅπως αἰ] Ἀθ[ῶν] ἡγαίων ἐσὶν σύμμαχοι (стк. 5—6, b),

К сожалению, состояние источников позволяет нам ограничиться лишь несколькими соображениями по вопросу о характере и методах создания этого союза. В начале IV в. ни Афины, ни их прошлые союзники не забыли условий I Афинского морского союза и прежних методов афинской власти. Поэтому, вступая в войну и стремясь возможно скорее преодолеть навязанную Спартой внешнеполитическую изоляцию, Афины еще в самом начале войны старались подчеркнуть равноправный характер новых союзных договоров. И действительно, договоры 395—394 гг., текст которых сохранился (IG, II², 14, 15, 16), не содержат каких-либо привилегий Афин или ограничения свободы союзных государств. Возможно, что одной из целей громкого судебного процесса молодого Алкивиада, о котором, по словам Лисия (XIV, 12—13), «не только все в городе узнают, но и союзники получают сведения, и враги услышат», и было показать, что Афины отказываются от политики широких захватнических планов, связанной с именем Алкивиада Старшего. Вокруг этого судебного процесса в Афинах разверну-

⁴² С 40-х гг. V в. до н. э. традиционной политикой Афин в Акарнании является стремление добиться дружественных отношений и военного союза (Th u c., II, 7, 3; 9, 4; 80, 1; 102; III, 94; D i o d., XII, 60, 1; X e n., Hell., III, 102; IV, 49; V, 30, 2 и др.). Такая политика диктовалась как стратегическим положением Акарнании, военной силой ее племен (Th u c., I, 81, 8; VII, 31, 5; 60, 4; X e n., Hell., IV, 6, 7—11; Paus., IV, 25, 6), емкостью рынка, так и быстрым экономическим и социально-политическим развитием этой области Греции (Th u c., III, 113, 6; 114, 3; IV, 49; V, 30, 2; X e n., Hell., IV, 6, 4). Вся история акарнано-афинских отношений и вступление этого объединения в Коринфскую войну на стороне Афин доказывает успех политики последних (X e n., Hell., IV, 2, 7; D i o d., XIV, 82, 1—3). В литературе даже было высказано мнение (F. B e c h t e l, Inschrift aus Stratos, «Hermes», XVI, 1896), что некоторые особенности надписей из Страта объясняются взаимодействием с ионийским диалектом, получившим распространение в Акарнании в результате влияния Афин.

лась ожесточенная борьба как по вопросам об участии в войне, так, очевидно, и по поводу методов внешней политики. Отражение ее мы постоянно находим в XIV и XV речах Лисия. Причем у Алкивиада оказалось столь много влиятельных защитников: даже среди должностных лиц (τῶν ἀρχόντων) и стратегов (XIV, 21, 23; XV, 5—6, 8 и т. д.), что стороне обвинения пришлось выступить еще с одной речью, направленной специально против них (Lys., XV). Защита, видимо, боролась не только и не столько за оправдание обвиняемого, сколько отстаивала какие-то общие воззрения или предложения, связанные с именем отца юного Алкивиада, так как сам он был лицом совершенно незначительным. По крайней мере, Лисий упрекает защитников в том, что они «имеют такие же стремления и... произносят речи о ваших [делах]» (XIV, 45).

Однако агрессивный характер внешней политики Афин усиливался вместе с ростом их успехов. После сражения под Книдом, когда встал вопрос о восстановлении отношений с островной и малоазийской Грецией, гораздо более необходимой Афинам экономически, настроения и методы I Афинского морского союза неизбежно начали возрождаться, тем более что руководителем внешней политики Афин была демократическая группировка.

Интересный материал для понимания фактических отношений между Афинами и их новыми, особенно слабыми союзниками дает уже упомянутая выше надпись в честь этеокарпатцев (Syll., I³, 129). В ней прежде всего афинское Народное собрание от своего лица объявляет автономию общины этеокарпатцев, однако суд афиняне все же оставляют за собой (стк. 27—28)... δίκην δὲ ἔνα | [ι] πρὸς τοὺς θεομοί | θέτας ἐν Ἀ[θηναίοις]. Диттенбергер справедливо (Syll., I³, 129, прим. 10) сравнивает эту надпись с афинским декретом 446/5 г. халкидянам, по которому суд также должен происходить в Афинах. В стк. 19—20 говорится, что афиняне выводят из города и свой гарнизон, который ранее находился в акрополе (νῦν καθελύφα[σ]ι | τῶν στρατιωτῶν ἐξίεναι ἐ[κ] τῆς ἀκροπόλε]ως...). Весь тон надписи, действительно, напоминает отношения Афин с союзниками в эпоху расцвета державы.

Что касается деятельности Фрасибула, то, несомненно, старый афинский полководец в своей политике по отношению к привлеченным на сторону Афин или подчиненным силой оружия городам пытался в какой-то мере вернуться к старым методам I морского союза. Фрасибул не только немедленно восстановил десятипроцентную пошлину на товары, идущие через проливы, но беззастенчиво собирал дань с греческих городов и даже просто грабил их. Однако это было следствием не только и не столько великодержавных настроений Фрасибула и его помощников, сколько результатом нового положения войска. Эскадра, которой командовал Фрасибул, с большим трудом была снаряжена Афинами. А после выхода ее в море казна уже не брала на себя, да и не могла взять, заботу о жаловании наемникам, ремонте судов и подобных расходах флота.

Однако попытки восстановить методы внешней политики, бытовавшие во время гегемонии Афин в I морском союзе, теперь были неприемлемы. В обстановке усиления Спарты, поддержанной на море Персией и Сиракузами (Xen., Hell., V, 1, 28), афиняне боялись недовольства и отпадения союзников. По крайней мере, одним из аргументов Лисия в речи против Эргокла (XXVIII, 17) является утверждение, что необходимо показать галикарнасцам καὶ οἱ ἄλλοι, как афиняне наказывают виновников их разорения. Поэтому еще до гибели Фрасибула (Hell., IV, 8, 30; Diod., XIV, 99) в Афинах началась широкая агитация против вождя демократической группировки и тех методов внешней политики, которые он пытался возродить. Отзвуки ее мы находим в речах Лисия (XXVIII, 5, 11; XXIX, 2). Кампания против Фрасибула имела успех, так как было принято решение вызвать наварха в Афины для отчета (Lys., XXVIII, 5), а после его гибели против ближайших помощников полководца, Эргокла и Филократа, были возбуждены громкие политические процессы, закончившиеся осуждением обвиняемых.

А между тем внутреннее положение в Афинах становилось все тяжелее, вызывая резкое недовольство войной и ее инициаторами. Состояние финансов государства и гражданства продолжало ухудшаться. Война шла уже восьмой год, но экономических выгод казне и широким массам пока не принесла. И впредь можно было ожидать те же

разорительные литургии и военные налоги. Кроме того, спартанский наварх Анталкид систематически захватывал грузовые суда афинян и их союзников (Xen., Hell., IV, 8, 33). Это поставило под удар снабжение Атики хлебом. В Афинах неизбежно стали возникать тревожные слухи, цены на хлеб неизмеримо выросли. Зимой городу грозил голод. Лисий пишет в речи «О хлебных торговцах» (§ 8 и 11): «Прошлою зимой, когда хлеб был дорог и они (хлебные торговцы) наперебой повышали цену, ведя борьбу между собою, ... иногда в один и тот же день продавали на драхму дороже, как будто покупали по медимну». И недаром весной 388 г. Аристофан, всегда чутко отвечавший на основные настроения афинского общества, в качестве самой «актуальной» и, судя по аналогии с «Женщинами в Народном собрании», самой фантастической темы — выбирает рассказ о возвращении в Афины бога богатства. Вель, говорит автор, обращаясь к Плутосу (Plut., 184—5): «И на войне тот будет победителем, на стороне кого ты сам находишься».

На этом безрадостном фоне усиливается борьба политических партий, вернее — систематическое наступление умеренно-демократической партии и присоединившихся к ней олигархических группировок. После смерти Конона, осуждения Эпикрата, казни Никомеда и Аристофана, процесса Памфила, попытки обвинить Диотима⁴³ бесславный конец Фрасибула, осуждение его политики и казни Эргокла — последний удар, окончательно уничтоживший в глазах афинских граждан авторитет вождей демократической провоенной группировки. К тому же, большинство самых опасных и авторитетных демократических деятелей, возглавлявших военную партию, руководителей и активных участников борьбы с тридцатью тиранами, любимых народом ораторов было теперь устранено. А уцелевшие после процесса Эргокла не могли рассчитывать на доверие и поддержку в Народном собрании. Так, Агиррий был избран вместо Фрасибула и благодаря этому удален из Афин в решающий момент борьбы (Xen., Hell., IV, 8, 31). Судьба же войны не могла быть решена с помощью остатков небольшого афинского флота, которым он должен был командовать. Таким образом, в 388/7 г. внутри Афин победила антивоенная партия. И прежде всего она поспешила доказать союзникам, что Афины решительно отказываются от прежнего принципа неравноправных союзов, и таким путем пыталась сохранить антиспартанскую коалицию в тревожных условиях последнего года войны.

Это можно заключить на основании тех же договоров 387/6 г. (IG, II², 28, 24). Цель их, а возможно и ряда других, не сохранившихся до наших дней, — пересмотр союзов, заключенных в период Коринфской войны, и возобновление их на новой, равноправной основе. Это старое требование греческих городов было, наконец, в новых международных условиях, принято пришедшей к власти в полисе умеренно-демократической группировкой. Именно в это время выработан новый принцип внешней политики Афин, который стал основным условием быстрого и успешного образования II Афинского морского союза. Так, договор с Клазоменами в 387/6 г. Афины заключают на следующих основаниях: τέ] λη οὐχ ὑποτελοῦ[ντας ἄλλα οὐδὲ φρον] | [ράν εἰσδεχομένους] οὐδὲ ἄρχοντα ὑ[ποδεχομένους ἐλευθ] | ἐρος ἔχει καθὰ Ἀθηναίους... (стк. 23—25). Интересно, что совпадают не только основная мысль, но даже и формулировки этого условия в данном договоре и надписи о создании II морского союза. Декрет 377/6 г. гласит (IG, II², 43, стк. 21—23): μ[η]τε [φρον]ράν εἰσδεχομένῳι μ[η]τε ἄρχοντα | ὑπο[δεχ]ομένῳι μ[η]τε φόρον φέροντι.

⁴³ Никомед и Аристофан были осуждены как активные деятели военной группировки и инициаторы помощи Кипру в 390/89 гг. (L у s., XIX). О процессе стратега Памфила см. A r i s t o p h., Plut., 174—175, 385; P l a t., (com.), fr 14. Попытка привлечь к суду Диотима, действовавшего в районе Геллеспонта, была сделана в 388 г. до н. э. (L у s., XIX, 50; см. K i r c h n e r, Prosopographia Attica, I, B., 1901); Б е л о х (ук. соч., стр. 127—130), стараясь доказать, что в поражении Афин виновата крайне-демократическая партия, дает этим судебным процессам противоположную оценку. С его точки зрения, именно крайне-демократическая партия добилась смещения Фрасибула, была инициатором процессов Эргокла и Памфила.

Афинский декрет 387/6 г. в честь фасосцев сильно фрагментирован, однако упоминание в первой его части имени Фрасибула и слова *ἐκιστήν* (а, стк. 3, 4, 5, 6), а также фасосского посольства (а, 12; б, 16) позволяет думать, что и здесь речь идет о заключении договора с Афинами на новых условиях. Эта новая внешняя политика помогла Афинам сохранить дружеские отношения с большинством союзных полисов, даже после того как под давлением Персии, Спарты и примкнувшей к ним Сицилии город вынужден был принять вновь предложенный противниками мир. Условия мирного договора были разработаны и известны давно. В основу их легли те же два основных принципа, на которых настаивали Спарта и Персия еще при переговорах в 393/2 г.: автономия всех греческих государств и отказ от каких-либо претензий на малоазийские города, перешедшие по условиям мира под власть Персии. Уступка Афинам, а именно, сохранение в их власти островов Лемноса, Имброса и Скироса, также была сделана Спартой еще во время переговоров 392/1 г. Новым требованием, которое выдвинула Персия, пользуясь своей ролью судьи в борьбе греческих государств, был переход под власть персидского царя Кипра и Клазомен. Это прежде всего касалось Афин, так как и Кипр и Клазомены были их союзниками. Лакедемоняне, по выражению Ксенофонта, стремящегося подчеркнуть победу Спарты, «получили значительный престиж благодаря Анталкидову миру как его хранители и стражи автономии греческих полисов» (Hell., V, 1, 36). В качестве инициатора, хранителя мира и союзника Персии, Спарта сумела возратить себе часть прежней силы и международного влияния. Однако точка зрения Ксенофонта и следующих за ним новых историков в оценке результатов мира представляется необъективной⁴⁴.

⁴⁴ По вопросу о значении Царского мира 387/6 г. в истории Греции и Афин в новейшей исторической литературе не существует единства. Все точки зрения можно разделить на три основные группы. Одни ученые (например, В е н г т с о н, ук. соч., стр. 251; М. С а г у, САН, т. VI, гл. III, стр. 55) считают, что Анталкидов мир окончательно уничтожил все силы, которые могли бы противостоять спартанскому могуществу, и власть Персии в Греции приобрела теперь решающее значение и открытые формы. Противоположную и наиболее близкую к истине точку зрения особенно четко сформулировал Б е л о х (Gr. Gesch., III², 1922, стр. 95). Б у з о л ь т (ук. соч., стр. 676) еще до Белых заметил, что Анталкидов мир не уничтожил силы Афин, но заставил их выработать новые методы внешней политики. Среднюю позицию занимают Глотц, Коэл (H.G., III, Р., 1941, стр. 98, 101, 106) и Клоше (La Démocratie Athénienne, стр. 292). Последний пишет, что результаты войны были незначительны и нужно было много лет, чтобы Афины смогли предпринять новые решительные действия. В 1942 г. вышла специальная статья Вилькена (см. стр. 104). Ценность ее в том, что автор разбирает происхождение мира в историческом аспекте, подробно и убедительно объясняет сближение Персии и Спарты в ходе войны, однако на главных вопросах: целях и, особенно, результатах и значении Анталкидова мира для Греции почти не останавливается.

В русской и советской литературе по этому вопросу существуют также три основных направления; большинство русских историков дореволюционного периода считали, что Анталкидов мир является безоговорочным успехом Спарты, которая теперь могла беспрепятственно проводить политику разъединения греческих государств (Б у з е с к у л, ук. соч., стр. 397; В и п е р, ук. соч., стр. 449). Однако оба последних автора отмечают, что по условиям мирного договора существенная уступка сделана Афинам, с которыми Персия и Спарта в это время вынуждены были считаться. Примерно так же оценивает результаты Анталкидова мира М. Х о с т о в (История Греции, М., 1924, стр. 228), который, однако, находит нужным отметить, что Афинский морской союз очень скоро после мира был возрожден. Почти все советские историки оценивают Анталкидов мир как раздробление и упадок Греции, в которой с этого времени господствует дипломатия Персии. Эту точку зрения высказал в 1937 г. А. И. Т ю м е н е в (История древней Греции, ч. II, М., 1937, стр. 123). Затем ее поддержали В. С. С е р г е е в (История Гре-

Спарта после Анталкидова мира уже не могла сохранить положение единственной реальной силы Греции, как это было после ее победы в Пелопоннесской войне. Наставшая на обязательной автономии греческих государств, она пыталась предотвратить на будущее время создание сильных союзов в Греции и на островах, считая, что с отдельными, изолированными государствами сможет справиться сама.

Но оставшаяся экономически и политически отсталой, раздираемая внутренней социальной и политической борьбой, Спарта и после Анталкидова мира не сумела изменить свою внешнюю политику, понять новую международную обстановку. Купив ценой свободы бывших союзников — греческих городов Малой Азии — поддержку Персии и выгодные ей условия мира, она тем самым окончательно развенчала себя в глазах большинства греческих городов. А ее действия в отношении Мантинеи, решительное вмешательство во внутренние дела других государств (как Флиунт и Фивы) очень скоро показали достаточно ясно сущность предлагаемой Спартой автономии.

Что касается других государств Греции, то на материке Анталкидов мир явился причиной временного ослабления Фив, вынужденных распустить Беотийский союз и охваченных ожесточенной партийной борьбой, и Аргоса, потерявшего Коринф, перешедший на сторону Спарты.

Островные государства, несомненно, решительно выиграли в результате мира, добившись освобождения от подчинения лакедемонянам. Теперь, после краха попытки Афин восстановить свое господство на прежних началах, эти полисы могли попытаться вступить с ними в дружественные отношения на основе равноправия в новом союзе.

Казалось, Анталкидов мир, продиктованный греческим государствам от лица Персии, знаменовал собой официальное признание решающего влияния персидского царя в Греции. Однако слабая, распадающаяся изнутри громадная восточная держава не была в состоянии как-либо закрепить те выгоды, которые давали ей ее финансовое могущество и раздробленность греческого мира.

Фактически, больше всех, кроме Персии, получили по условиям Царского мира Афины. Во-первых, город сохранил восстановленные во время войны стены и значительный флот; во-вторых, были возвращены старые владения Афин — опорные пункты в борьбе за Геллеспонт и Фракийское побережье — Лемнос, Имброс и Скирос. В-третьих, выступив во главе антиспартавской коалиции, Афины снова получили поддержку со стороны многих важнейших государств материковой и островной Греции. Восстановить державу в ее старых формах, к чему стремилась часть афинского общества, сначала во главе с Кононом и потом — Фрасибулом, не удалось. Но общие экономические и политические интересы в Понте, Фракии, на побережье Малой Азии настоятельно требовали единства действий Афин и развитых торгово-ремесленных государств островов и проливов. Анталкидов мир не уничтожил дружественных отношений с бывшими союзниками Афин во время Конона и Фрасибула, которые заложили основы II морского союза. Не случайно, первыми союзные договора с Афинами заключают именно те государства, о которых чаще всего шла речь выше как о союзниках Афин в Коринфской войне.

К 384 г. до н. э. относится союз Афин с Хиосом (IG, IV², 18). Сразу за ним следует договор с Митиленой и Византием (Syll., I³, 146). Еще ранее, в 386/5 г. Афины заключили союз с царем одриссов Гибридзолемом (IG, II², 31). Уже через 2—3 года после окончания войны Афины возобновляют официальный союз с крупными центрами

ции, М., 1939) и А. Г. Б о к щ а н и н (История международных отношений и дипломатии в Древнем мире, М., 1948, стр. 52—53). К этому мнению присоединились и авторы II тома Всемирной истории (М., 1956, стр. 74—75). К сожалению, большинство перечисленных авторов, ссылаясь на формы Анталкидова мира, развернуто свою точку зрения не аргументируют. В одной из своих последних работ В. С. С е р г е е в (см. «История дипломатии», I, 1946, стр. 49) высказал третью точку зрения: «В результате Коринфской войны гегемония Афин возродилась, зато Спарта была вконец разорена и истощена».

на важнейших торговых путях, а через 9—10 лет возникает и II Афинский морской союз (см. карту⁴⁵).

Афины оказались в состоянии не посчитаться с запрещением Царского мира, основным условием которого была автономия всех греческих государств. И афиняне и их союзники уже через несколько лет после заключения мирного договора смогли пренебречь грозным предупреждением царя, что Персия, опираясь на Спарту, будет вести войну на суше и море с теми, кто нарушит мирные условия. Это показывает, что, несмотря на категорическое запрещение союзов, формального признания которого добились Персия и Спарта по условиям Анталкидова мира, они не могли помешать и уничтожить не только стремление греческих государств к объединению, но даже не сумели сколько-нибудь значительно задержать создание II Афинского морского союза.

Таким образом, попытки объединения греческих городов вокруг Афин в период Коринфской войны, а также условия Анталкидова мира заставили Афины отказаться от старой формы утверждения своей гегемонии на море, доказали невозможность в новых международных условиях вернуть бывшее исключительное положение и помогли афинской дипломатии найти новые формы успешной борьбы за преобладание на основных торговых и стратегических путях Восточного Средиземноморья.

Афины в напряженной внутренней и внешней борьбе в ближайшие годы после мира вырабатывают иной курс и иные методы внешней политики, отвечающие уже новому периоду их истории, связанному с созданием II Афинского морского союза.

И. Поздеева

ФАНАГОРИЙСКАЯ МЕТРИЧЕСКАЯ ЭПИТАФИЯ В СОБРАНИИ ТЕМРЮКСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Издаваемый надгробный памятник (рис. 1) представляет собой продолговатую прямоугольную стелу из известняка, сверху увенчанную анфемием. Общая высота — 1,96 м, высота анфемиа — 0,66 м, ширина 0,39—0,40 м, толщина основной плиты 0,175 м, анфемиа — 0,155 м. Венчающая часть памятника не отбита, а сделана отдельно и была прикреплена к основной части железными шипами, вставленными в пазы; пазы эти сохранились на верхней грани плиты, в них и сейчас есть остатки железных шипов¹. Анфемий состоит из большой пальметки, под ней — листья аканфа, поднимающиеся от сильно выступающего карниза; под карнизом три розетки. Ниже, в прямоугольном углублении, рельеф. Изображены двое стоящих мужчин, соединивших в рукопожатии правые руки. Оба одинаково одеты в короткие кафтаны, длинные, плотно облегающие ноги штаны и длинные плащи, застегнутые на плече и откиннутые за спину. Мужчина стоящий справа, — более высокий, имеет короткую бороду; слева — ниже ростом, безбородый. Как видно из текста, это — отец и сын.

Под рельефом надпись в 12 строк. В трех верхних строках, вырезанных крупными буквами (высота букв 0,022—0,032 м), собственно надгробная надпись с обычным *χαίρετε*, дальше — метрическая эпитафия в размере обычных для надгробных эпитафий эллигических дистихов; в этой части высота букв 0,01—0,015 м.

Надгробие находится в настоящее время в Темрюкском краеведческом музее. По словам директора Темрюкского музея З. И. Будник, оно найдено весной 1951 г. близ станции Сенная при вспашке трактором целинной земли и представляет, очевидно, один из памятников некрополя Фанагории.

Надпись (рис. 2)

⁴⁵ Митилена, Иасос, Родос — союзники Афин после битвы у Книда; Фасос, Самос, Византий присоединились к коалиции в результате действий флота Фрасибула.

¹ Основываюсь на описании А. И. Болтуновой. Поскольку мне самой не удалось лично ознакомиться с надгробием, в своей работе я пользовалась фотоснимками. Описание А. И. Болтуновой существенно помогло мне в этой работе.